

БЛИНЫ

*Масленица, масленица!
Девкой к сердцу ластится...
Напеки-ка, теща,
Сто блинов потолще!*

Здесь блинов не печется румяных —
Отбродили в эмалях кастрюль.
Никого... Свищут ветры в бурьянах,
Будто тысячи вражеских пуль.

Жил тут Прошка — с Гражданской без глаза,
Глеб — с Отечественной без руки...
Жизнь опарой бежала, зараза,
С пылу с жару — и в бой мужики.

Бабка Доня пекла из пшеничной,
А сноха — из овсяной муки...
Ноздреватым блином горемычный
Век уплел их за обе щеки.

А потом и отцов с матерями,
С пятистенками с кровлею в жесть...
На картошке вприкуску с блинами
Мы росли, а чего еще есть!

В перестроечном хмеле блудливый
Век на модных заморских дрожжах
Склек, как блин у жены нерадивой,
Аж дыханье в зобу пережал...

Похожу по двору. Из сарая
Щели прошлым лицо обожгут...
— Замеси-ка блинов, дорогая:
Скуден что-то цивильный фас-фут!

*Масленица, масленица!
Больно сердце кáзнится...
На закваске старой
Не встает опара.*

* * *

Коснешься в раздумье щекою коры
Шершавой от древности дедовой груши,
И память солдатом пойдет на прорыв,
И сроки, и ритмы, и лица обрушив.

Бог с ними, что янки грозятся войной,
Что где-то в бегах всех мастей нувориши...
До неба над ширью и далью степной
Возносится груша от дедушки Гриши.

Стекаются к сердцу без пафосных слов
По колким щетинкам все токи земные.
Окрестные ветры, не тронув плодов,
Прносятся мимо, как силы чужие.

Спасибо, дедуля! Не жалко сжечь щек
В шершавости той без огня и картечи...
Ты грушей мне сызмальства душу берег
И в вере крепил, как монах, перед сечей.

* * *

Дал слово себе не соваться в политику,
В толпе затеряться, как с неба пришелец,
Мгновенья крутить — год за годом — по винтику,
Чтоб светлые чувства в душе не замшели.

В субботу на дачу — с утра и до вечера;
Там сам себе царь, президент и присяжный.
У краткого лета в долгу, как у вечного,
Живу с неразгаданной правдой сермяжной.

Неспешная мудрость не сблизится с юностью —
Пути у них разные к душам и целям.
Кому-то разлуку, как птицам, на юг нести,
Кому-то свиданье — на север, к метелям...

Пройди точку роста дневного сна
С четырнадцати до пятнадцати сорока́,
И тогда поймешь, какова она
Жизнь, где сороки накликавают срока́.

Не в провинциальной убогой мгле
От миллионника в двух сотнях звериных верст,
А здесь, у крана с бадьей на стреле,
С кучами мусора в ней вразброс и внахлест.

Тут же — крест-накрест и запросто сквозь
Среди рубероида с щебнем — душа в тросах,
Чтоб не болталась от прочего врозь
И не срывалась, прогуливаясь в небесах.

Ей бы жить ниже, поближе к земле,
К собакам, кошкам, кузнечикам, даже червям,
Она ж рвется вверх, чтоб пропасть во мгле
Космической агонии на радость чертям.

Раньше роща была — теперь вот дом
В двадцать три этажа, котелкой, как колбаса,
Двадцать четвертый — безумцами неба слом
В мозгу с сорочьей песней на все голоса.

Белым днем у всего на виду
В тщетных поисках сытного времени
Ходят дикие утки по льду,
По прозрачному,
скользкому,
первому...

На мосту легковушек затор,
В любопытстве сердца сочленяются.
Чьи-то губы рождают восторг,
Чьи со страха ледками ломаются.

Полдень гадким утенком с тоски
Поспешает на выручку с берега —
Тенью зыбкою лечь у реки
Через лед
молодой,
неуверенный...

Я от зрелища прочь не уйду,
Совершая, как птицы, скольжение...

Чудо чудное — утки на льду
Щиплют собственное отражение.

Пыль с холмов на версту. Ни снежка.
И морозов напасть несезонная.
Но сквозь лед диким уткам река
Отдает голоса колокольные.

* * *

Сенокос на авиазаводе...
По краям бетонной полосы
Рой бензокосилок хороводит
Под жалейки шмеля и осы.

Лайнером из мотыльковых крыльев —
Без пилотов, стюардесс, ремней —
Запах трав бежит все торопливей
За пунктир посадочных огней.

Над тоннелем, улицей, киоском,
Над толпой из любопытных глаз
Он взмывает в небо по-геройски
Для миров посланником от нас.

В настроенье слаженно-куражном
В утренние майские часы
Небу, видно, тоже очень важно
Окропиться капелькой росы.

Ничего в том сенокосе вроде...
Отчего же всякий раз потом
Вопреки погоде и природе
Сердце в выси рвется мотыльком?

РЕКА И РЕЧЬ

Александрю Нестругину

Река разбудит плеском зори.
И, эху утреннему в тон
Перекликаясь, осокори
Рыбачить позовут на Дон.

Не одного, не с кем придется,
Не в разобщенности пустой,
А вместе с далью, синью, солнцем
И с петушиной хрипотцой.

И в этой страсти пустяковой,
Когда полвека будто с плеч,
Взыграет рябью сквозняковой
Реки живительная речь.

Ее чуть слышно над волною
Стремнин гортанный говорок
Подхватит с лодкой надувную
И отнесет за поворот.

Под легкий шепот краснотала,
Под журавлиный трубный зов
Не смолкнет речь: в ней нет начала
И нет конца среди голосов.

* * *

Как тонко, как нежно и чуточку нервно
На сером, что свитер, клочке тротуара
Пиликают скрипками около сквера
Кленовые ветки — влюбленные пары.

Еще до цветенья недели, недели.
Утрами трава серебрится рогожей.
Но клены предчувственно не утерпели —
Играют, играют до дрожи на коже.

Народ поспешает не к речке, не к плесу —
К вокзалу ж/д и Петровскому саду.
И вслед ненавязчиво льется и льется
Кленовая музыка вечного лада.

СВЕТЛОГОРСК. ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Ходит по берегу чайка.
Плещутся волны у ног.
Чайка одна здесь хозяйка
Радостей всех и тревог.

В солнечный лик Светлогорска
Август вдыхает любовь
С рыжей песчаной полоской
В линии береговой...

В парке, под сенью вуальной
Сосен, кафе, фонарей,
Блеска пурпур виртуальный
Брызжет в сто глаз и бровей.

За санаторной оградой
Оздоровляемый люд...
Черное море — отрада,
Балтика — сердцу приют.

Голос услышав, неспешно
Чайка взлетает с песка.
Вечер курортником грешным
Двигается вглубь городка.

* * *

Минута слабости — как вечность,
Минута силы — яркий миг.
Я эти дни сомкну в колечко
Счастливых разностей моих.

И будет в них февраль-проказник,
Смешав оттенки и тона,
Готовить масленицы праздник
С округлой щедростью блина.

И будут тонко петь капли,
Не заглушая птичий гам,
Чтоб мы быть сильными умели
И светлым верили слезам...

Минута слабости — что гостья,
Минута радости — жена.
Наверно, жить всегда непросто,
Но жизнь и в слабости сильна.